

Для цитирования: Якимова О.А. Ксенофобия в англоязычных социальных исследованиях: от объяснения причин к пониманию динамики // Социум и власть. 2017. № 6 (68) С. 44–51.

УДК 31.316.4

КСЕНОФОБИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОТ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИЧИН К ПОНИМАНИЮ ДИНАМИКИ¹

Якимова Ольга Александровна,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина;
Уральский гуманитарный институт,
Департамент политологии и социологии,
доцент, кандидат социологических наук,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: o.a.iakimova@urfu.ru

Аннотация

В течение двух последних десятилетий процесс взаимодействия иностранных мигрантов и местного населения принимающих их государств находится в фокусе пристального внимания социальных исследователей. Тем не менее, большая часть сравнительных исследований миграционного процесса посвящена изучению адаптации и интеграции мигрантов, тогда как проблемам приспособления принимающего сообщества к постоянно увеличивающемуся количеству иноэтничных приезжих уделяется гораздо меньше внимания. В этом контексте факторы, обуславливающие динамику ксенофобских настроений в обществе по отношению к мигрантам, в настоящее время являются предметом дискуссии в социальных науках. В статье, на основе рассмотрения ксенофобии в методологических рамках: 1) теорий угроз, 2) теорий национализма, 3) теорий социальной идентичности и 4) теорий ценностей, делается вывод о том, что эти теоретические подходы, предоставляющие исчерпывающую когнитивную (статическую) интерпретацию причин ксенофобии, тем не менее, недостаточны для объяснения динамики ксенофобских настроений. В качестве теории, позволяющей понять глубинные факторы, влияющие на динамику ксенофобии в современных обществах, рассматривается 5) теория эволюции ценностей в частности, роль одного из ее основных понятий – экзистенциальной незащищенности (existential insecurity). На основе проделанного анализа в статье выдвигается гипотеза о том, что толерантные либо ксенофобские ориентации личности формируются в зависимости от уровня экзистенциальной безопасности/защищенности (existential security) или экзистенциальной незащищенности (existential insecurity), переживаемых индивидом в период своего личностного становления.

Ключевые понятия:
ксенофобия,
иностранцы мигранты,
теория эволюции ценностей,
экзистенциальная незащищенность.

Почему важно знать факторы динамики ксенофобии

На рубеже XX–XXI веков развитые демократические страны Запада столкнулись с любопытным социальным противоречием. С одной стороны, толерантность прочно заняла свое место в наборе универсальных ценностей западного мира, и в настоящее время представители западной цивилизации в целом не только признают, но считают необходимым и естественным равенство прав и возможностей для всех и каждого. С другой стороны, начиная с 1990-х годов, в большинстве стран Европы, а также в Соединенных Штатах и Австралии, консервативные и праворадикальные политические партии и движения начали набирать силу, пользуясь все большей поддержкой избирателей [2, 9, 13].

Так, в 2014 году, впервые в истории Франции, лидер Национального фронта Марин Ле Пен, согласно опросам общественного мнения, лидировала в рейтинге кандидатов на пост президента страны². В том же году в результате выборов авторитарные, использующие ксенофобскую риторику партии, значительно увеличили свое представительство в Европейском парламенте, набрав рекордное для них количество мест (52, что на 15 мест больше, чем на выборах 2009 года³). Выдвижение популистских, радикальных, ксенофобски ориентированных партий на передний план политического спектра в Европе становится повсеместной тенденцией. Во Франции (Национальный фронт), Дании (Народная партия Дании) и Германии (Альтернатива для Германии) они получают все большую и большую поддержку избирателей, тогда как либеральные и демократические партии, традиционно управляющие этими странами на протяжении десятилетий, теряют ее.

Присутствие политиков, придерживающихся ксенофобских взглядов, на стратегических позициях во власти потенциально ведет к негативным социальным последствиям. Это может способствовать распространению и закреплению в массовом сознании восприятия иммигрантов как 'внешней', 'они'-группы (out-group) и последующей их дискриминации на рынке труда и жилья [14], а также в сфере образования и оказания медицинских услуг. Поэтому можно рассматривать экспансию ксенофобских настроений среди населения и политических элит как индикатор неспособности действующих правительств выполнять свои

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01194.

² URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2014/sep/08/le-pen-tops-presidential-poll-for-first-time-ever>.

³ URL: <http://www.results-elections2014.eu/en/election-results-2014.html>.

обязательства по защите людей от дискриминации, вытекающие из национального и международного законодательства. Подобное социально-политическое развитие угрожает демократическому устройству западных стран и может вести к политической дестабилизации, поскольку подрывает институциональные основы Европейского союза.

Что такое ксенофобия по отношению к иностранным мигрантам?

В самом общем приближении понятие 'ксенофобия' интерпретируется как чрезмерный страх и неприятие 'другого'/'чужого'. С объективной точки зрения, ксенофобия, понимаемая таким образом, конечно, иррациональна, поскольку она не конгруэнтна реальности. Нормы цивилизованного общества предполагают соблюдение принципов уважения человеческого достоинства и доброжелательного отношения друг к другу, поэтому ксенофобия является отклонением от нормы.

Поскольку ксенофобия является феноменом межличностного и межгруппового взаимодействия, она существенно связана с паттерном групповой демаркации (восприятие индивида как члена 'своей' или 'чужой' группы). Будучи социальным феноменом, ксенофобия имеет негативные последствия на всех уровнях своего проявления: на микроуровне жертвы ксенофобии получают психологическую травму; на групповом уровне распространение ксенофобских настроений угрожает социальной стабильности, поскольку ведет к росту числа преступлений и углублению межнациональных и межконфессиональных конфликтов; на экономическом уровне обусловленная ксенофобией социальная турбулентность приводит к оттоку иностранных инвесторов; наконец на уровне внешней политики распространение ксенофобии в той или иной стране способствует формированию ее негативного имиджа на международной арене.

В рамках предметного поля международной миграции в качестве 'другого' выступают граждане иностранных государств, а типы страхов по отношению к ним подразделяются на: 1) личные, 2) политические, 3) страхи культурного изменения, 4) страхи нелояльности иммигрантов и, наконец, 5) страхи утраты местным населением своей национальной идентичности [16].

Обусловленное этими страхами восприятие иностранцев как представителей 'внешней'/'чужой' группы оказывает значимое влияние на формирование ксенофобского отношения к ним. А количество

и качество различий, делаемых гражданами того или иного общества между 'своей' и 'чужой' группой, определяет уровень распространения ксенофобии.

Восприятие иностранцев в логике 'внешней'/'чужой' группы традиционно соотносится в социальных исследованиях с отношением к ним как к угрозе. В оптике такого мировоззрения местные жители полагают, что приезжие угрожают их экономическому и социальному статусу, а также культурным ценностям и идентичности.

В современных англоязычных исследованиях, помимо 1) восприятия иностранцев как экономической и/или культурной угрозы, ксенофобия по отношению к иммигрантам объясняется следующими причинами: 2) приверженностью индивида правой (экстремально консервативной, авторитарной, этноцентричной, националистической) или левой (либеральной, приветствующей социальные изменения) политической идеологии; 3) основаниями, на которых индивид конструирует свою национальную идентичность (этническая или гражданская национальная идентификация) и 4) индивидуальными и культурными ценностями [17]. Рассмотрим эти подходы подробнее.

Интерпретация причин ксенофобии с позиций теорий угроз, национализма, социальной идентичности и ценностей

В настоящее время большинство исследователей согласны с тем, что отношение людей к иноэтничным мигрантам зависит от присутствия либо отсутствия иностранцев в их непосредственном окружении. В этом контексте ксенофобия рассматривается как проявление в межгрупповом взаимодействии напряжения, порождаемого мультикультурным обществом. Близость 'других' может вызывать у местного населения ощущение беспоконья, вызванного тем, что 'другие' могут нести угрозу, во-первых, экономическому благополучию (вследствие появления дополнительной конкуренции на рынке труда) и, во-вторых, доминирующему культурно детерминированному образу жизни и ценностям (так как этнические мигранты являются носителями иных культурно-религиозных традиций и поведенческих паттернов) [цит. по 18].

Объяснение негативного отношения к иммигрантам через восприятие их как экономической и/или культурной угрозы характерно для *теорий угроз (Threat Theories)*. Интерпретация ксенофобии в перспективе теории угроз исходит из двух важных предпосылок: во-первых, доступ к ресурсам внутри общества ограничен и не может быть обеспечен для всех групп в до-

статочном для них количестве ('ресурсный стресс'). Во-вторых, в обществе должна присутствовать группа/группы меньшинств, которая, с одной стороны, этнически отлична от большинства настолько, чтобы быть визуально заметной, а с другой стороны, обладать схожими с группой большинства качествами, чтобы быть способной конкурировать с местным населением за одни и те же (ограниченные) ресурсы.

Согласно Г. Блумеру (Herbert Blumer), стоявшему у истоков разработки теории угроз, ключевым фактором в этом контексте является размер этнически отличной группы. Однако, М. Хьерм (Mikael Hjerm) и К. Нагаеши (Kikuko Nagayoshi) [7] доказывают, что присутствие этнически отличной группы – это лишь первое звено в цепочке причинно-следственных связей, ведущих к формированию и открытому выражению ксенофобии, т.е. размер группы меньшинства сам по себе не провоцирует негативного отношения к мигрантам. Действительно важным фактором в этом контексте является композиция группы меньшинства с точки зрения ее культурного происхождения и религиозной принадлежности. В этой логике именно большая пропорция культурно отличных от местных жителей мигрантов-мусульман в составе населения европейских стран обуславливает ксенофобию по отношению к ним. Благодаря распространяемой СМИ информации, например, о неприятии мигрантами-мусульманами гендерного равенства или о террористах-мусульманах, приезжие, исповедующие ислам, в целом могут восприниматься как угроза значимым для западной цивилизации ценностям (иммигранты как культурная угроза).

Второй важной в рамках теории угроз причиной, обуславливающей формирование ксенофобских настроений, является восприятие принимающим сообществом иммигрантов как экономической угрозы. На сегодняшний день существует много исследований, демонстрирующих наличие отрицательной корреляции между уровнем ВВП страны и распространением в ней ксенофобии [7]. Восприятие иммигрантов как экономической угрозы характерно для групп, реально конкурирующих с мигрантами за те или иные (ограниченные) социально-экономические ресурсы. В таком случае 'ресурсный стресс' и видимость 'внешней' группы ведут к формированию у этой части местного населения установки на групповое соперничество, обычно воспринимаемое в терминах 'игры с нулевой суммой' (zero-sum beliefs), а также актуализируют поведенческие стратегии, направленные на устранение конкурирующей группы или, по крайней мере, ограничение ее возможностей [4].

В этой логике разработана 'инструментальная модель группового конфликта' [4], согласно которой ксенофобия по отношению к мигрантам представляет собой не этническую предубежденность в целом, а особый вид предубеждения, основанный на восприятии иностранных мигрантов в оптике 'игры с нулевым результатом'. Это означает, что ксенофобия, часто определяемая как иррациональный страх 'другого', на самом деле имеет рациональную природу. В рамках инструментальной теории группового конфликта под ксенофобией понимается проявление когнитивно обусловленного стремления людей с высокой ориентацией на социальное доминирование и культурную внутригрупповую гомогенность устранить иноэтничных мигрантов как конкурентов в борьбе за ограниченные ресурсы. Таким образом, отношение к иностранным мигрантам интерпретируется как имеющее инструментальную основу.

Однако не только иммигранты, но и национальное государство как таковое может вносить вклад в формирование ксенофобии по отношению к приезжим [18]. В этой логике ксенофобия выступает в роли функции идеологии национализма. С позиции *теорий национализма (Theories of Nationalism)* сама идея национального государства предполагает четкое групповое деление на 'мы' (те, кто включен в нацию) и 'они' (те, кто не входит в нее). Согласно широко известному определению Б. Андерсона (Benedict Anderson), 'мы' означает «воображаемое» политическое сообщество, возникшее в пределах определенной территории, члены которого связаны друг с другом одинаковым происхождением и историческим опытом [цит. по 18]. Наличие 'общей судьбы' помещает людей в отношения солидарности, благодаря которым они обладают определенными коллективными благами, такими, например, как право политического участия и социальной поддержки государства. Институциональное устройство национального государства характеризуется высокой степенью 'социальной закрытости' (*social closure*) для всех причисляемых к группе 'другие', поскольку доступ к социальным благам и власти ограничен и возможен только для тех, кто является частью нации. Таким образом, убежденность в том, что государство с его территорией и культурой принадлежит нации, обуславливает возникновение националистического самосознания и способствует развитию националистической идеологии и ксенофобского мировоззрения [18].

Роль национального государства в формировании у местных жителей ксенофобии по отношению к иностранным мигрантам

анализируется также в исследованиях национальной идентичности и гордости.

Одно из наиболее известных определений национальной идентичности принадлежит Э. Смигу (Anthony Smith), интерпретировавшего ее как функциональный социальный макро-феномен, ключевым элементом которого является самоопределение индивида как члена большего сообщества. Э. Смит предложил ставшее уже традиционным для социальных исследований деление идентичности на два типа: 1) гражданская национальная идентичность (*civic national identity*), основанная на общности территориальной целостности государства, его законов, институтов, прав граждан и ценностей, и 2) этническая национальная идентичность (*ethnic national identity*), характеризующаяся чувством общего культурно-исторического наследия и судьбы, а также восприятием людьми себя как одного народа [цит. по 6].

Идеи Э. Смита были развиты М. Хьермом, предложившим два дополнительных типа национальной идентичности: 3) множественная национальная идентичность (*multiple national identity*), строящаяся индивидом одновременно и на гражданских, и на этнических факторах, и 4) плюралистическая национальная идентичность (*pluralistic national identity*), подразумевающая слабо выраженное чувство национальной идентичности.

М. Хьерм утверждает [6, с. 341, 344], что конструирование этнической национальной идентичности или множественной национальной идентичности повышает риск присутствия у индивида ксенофобских ориентаций, тогда как гражданская или плюралистическая национальная идентичность уменьшает этот риск. То же самое относится и к национальной гордости, которую М. Хьерм делит на политическую (гражданское измерение) и национально-культурную (этническое измерение)⁴. Политическое измерение национальной гордости имеет отрицательную корреляцию с ксенофобией, а национально-культурное – позитивно коррелирует с ней.

Таким образом, в исследованиях национальной идентичности и гордости в рамках теории национализма (*Theory of Nationalism*) и теории социальной идентичности (*Social Identity Theory*) ксенофобия трактуется как следствие национальной идентичности, имеющей этническую природу,

а также ярко выраженной национальной гордости. Эти исследования подтверждают гипотезу о том, что для уменьшения риска распространения ксенофобии в обществе желательно разделение его гражданского и этнического компонентов, например, посредством обеспечения равенства граждан в публичной сфере и сохранения культурных различий в частной сфере. Разграничение гражданского и этнического в обществе актуализирует конструирование гражданской идентификации с национальным государством, предполагающей объединение людей на основе демократических норм и ценностей и, следовательно, уменьшающей риск формирования ксенофобского мировоззрения.

Наконец, еще один вариант объяснения ксенофобии, который можно выделить в современных англоязычных исследованиях, – это интерпретация ее как проявления определенных *ценностных ориентаций* (*Value Theory*).

Большой вклад в изучение связи между ценностями индивидов и их отношением к 'они'-группам вносят исследования символического расизма, кросс-культурной психологии, личностных и гендерных особенностей. Опираясь на результаты этих исследований, а также используя топологии культурных ценностей С. Шварца (Shalom Schwartz) и Г. Хофстеде (Geert Hofstede), представленные в работе Ч.-Х. Леонга и К. Ворда «Культурные ценности и отношения к иммигрантам и мультикультурализму» (Chan-Hoong Leong & Collen Ward "Cultural Values and Attitudes toward Immigrants and Multiculturalism: The Case of Eurobarometer Survey on Racism and Xenophobia") [12] можно выделить следующие *потенциальные* ценностные характеристики групп в составе принимающего сообщества, противоположно относящихся к иностранным мигрантам:

1) Толерантные граждане, в целом позитивно относящиеся к иностранным мигрантам. Они дружелюбны, не склонны к предрассудкам и придерживаются универсальных ценностей. Представители этой группы открыты многообразию, сочувствуют трудностям, с которыми сталкиваются иноэтничные меньшинства, поддерживают 'политику равных возможностей' (гуманитарно-эгалитарные ценности). Они делают небольшое различие между 'мы'-группой и 'они'-группой (в чем проявляются ценнос-

⁴ Политическую гордость М. Хьерм интерпретирует как гордость политическими институтами общества, его экономикой и системой социальной защиты (ключевые элементы для конструирования гражданской национальной идентичности). Национально-культурная гордость представляет собой гордость историей, культурой и прочими достижениями людей в данном обществе (элементы конструирования национально-этнической идентичности) [6, с. 343].

ти индивидуализма) и склонны проявлять тепло, заботу и сострадание в межличностном взаимодействии (феминные ценности). На социальном уровне представители этой группы разделяют ценности социальной справедливости и способны к эго-транцендентности. Для них значимо равенство в отношениях, индивидуальные интересы и развитие, желание улучшить благосостояние других людей (ценности, выделенные С. Шварцем), а также стремление к независимости, основанное на личном выборе и достижениях (ценности, выделенные Г. Хофстеде).

2) Граждане, с предубеждением относящиеся к группам иноэтничных меньшинств и выступающие за сокращение иммиграции (ценности консерватизма). Представители этой группы видят большие различия между 'мы'-группой и 'они'-группой, имеют этноцентричные предрассудки и желание этнического превосходства (ценности коллективизма), стремятся доминировать, соперничать и контролировать социальное окружение (маскулинные ценности). На социальном уровне они придерживаются коллективистской ориентации, подразумевающей уважение традиций и поддержание социального порядка (ценности, выделенные С. Шварцем). Они устойчивы к изменениям, демонстрируют стремление к консенсусу, потребность в определенности, приверженность иерархическому порядку, основанному на институционализированных статусных различиях и, наконец, нетерпимы к людям и группам с другим мировоззрением и поведением (ценности, выделенные Г. Хофстеде).

Тем не менее, эмпирические исследования доказывают, что далеко не все эти ценностные ориентации влияют на формирование ксенофобского либо толерантного отношения к мигрантам. Используя данные проекта «Евробарометр» (тематическое исследование, посвященное расизму и ксенофобии, 2000 г.), Ч.-Х. Леонг и К. Ворд [12, с. 808], сопоставили упомянутые выше топологии культурных ценностей С. Шварца и Г. Хофстеде с отношениями людей к иммигрантам и мультикультурализму, и выделили лишь четыре кластера ценностей, значимо коррелирующих с ксенофобскими/толерантными настроениями: 1) филантропия-эгалитаризм включает в себя такие культурные ценности, как гармония (С. Шварц) и властная дистанция (Г. Хофстеде); 2) консерватизм иллюстрируется избеганием неопределенности (Г. Хофстеде); 3) индивидуализм/коллективизм представлен индивидуализмом (Г. Хофстеде); 4) инструментальность проявляется в контроле (С. Шварц) и маскулинности (Г. Хофстеде).

Таким образом, можно говорить о существовании определенных культурных ценностей, влияющих на формирование ксенофобских ориентаций у индивида. К ним относятся избегание неопределенности, дистанция власти, контроль, а также маскулинность. Формирование и поддержание на социальном уровне ценностей индивидуализма и гармонии, наоборот, способствует предупреждению распространения ксенофобских настроений среди граждан и, следовательно, может рассматриваться как рекомендация для общества, ставящего перед собой подобную цель.

Динамика ксенофобии в интерпретации теории эволюции ценностей

Анализ степени поддержки ксенофобского и националистического дискурса во временной перспективе показывает, что он имеет разное количество приверженцев в разные периоды времени.

Рассмотренные выше теоретические подходы, интерпретирующие ксенофобию как: 1) элемент политической борьбы за коллективные блага национального государства; 2) копинговую стратегию чувствующих себя социально исключенными граждан; 3) функцию этнической национальной идентичности и национально-культурной гордости или 4) результат проявления определенного набора ценностей предлагают разностороннее когнитивное объяснение ксенофобии. Тем не менее, они не дают исчерпывающего ответа на вопрос о факторах, влияющих на динамику ксенофобских настроений в обществе.

Так, в теории угроз выдвинута важная гипотеза о том, что анти-иммигрантские настроения имеют объективные основания. Это подтверждается тем, что даже люди, не испытывающие неприятия по отношению к иностранным мигрантам, имеют тенденцию к усилению ксенофобских настроений под влиянием определенных объективных условий, а именно тогда, когда они чувствуют угрозу потери того, что имеют. Поэтому закономерно, что анти-иммигрантские настроения растут во времена экономических кризисов [18], актуализирующих повсеместную обеспокоенность будущим.

Большинство социальных исследователей единодушны в том, что периоды экономической турбулентности создают благоприятную почву для возникновения или проявления различных негативных социальных паттернов. Экономическая неопределенность вкупе с финансовым спадом заставляет определенные группы людей чувствовать себя социально исключенными. Обусловленные этим состоянием уяз-

вимость и обеспокоенность побуждают индивидов смещать свою агрессию в направлении групп меньшинств. В таких обстоятельствах ксенофобия и этноцентризм могут рассматриваться как компенсация переживаемого дистресса (distress) и своего рода копинговая стратегия (coping strategy) по преодолению экзистенциального кризиса [1, с. 382].

Подтверждением этой гипотезы служит исследование В. Эссес (Victoria Esses et al.), демонстрирующее интересную находку: во времена экономических кризисов члены местного сообщества относятся к иностранным мигрантам негативно вне зависимости от того, хорошо или плохо приезжие адаптировались к новой для них социально-экономической среде (так называемая «дилемма иммиграции»). В первом случае успех мигрантов может интерпретироваться как приобретенный за счет местного населения, а во втором иммигранты воспринимаются как обуза для национальной системы социального обеспечения и защиты, а следовательно, как угроза национальному благосостоянию [4, с. 391].

С позиций теории национализма ситуация социально-экономической нестабильности часто провоцирует кризис коллективной идентичности, когда люди обращают свое внимание на базовые понятия национальной государственности, а именно на 'мы' и 'они', что делает толерантное восприятие этнических меньшинств менее вероятным.

Таким образом, в рамках теории национализма так же, как и в рамках теории угроз, распространение ксенофобии в периоды экономических кризисов и спадов может рассматриваться как своего рода стратегия преодоления (coping strategy), используемая определенными группами населения. Эффективность этой стратегии объясняется, во-первых, тем, что националистическая идеология и обусловленное ею ксенофобское мировоззрение предлагают решение кризиса коллективной идентичности через возвеличивание нации и пропаганду исторических мифов. Во-вторых, националистическая идеология и, соответственно, ксенофобское мировоззрение предоставляют простое и ясное объяснение причины социальных и экономических проблем государства, а именно, присутствие 'других'. На эти механизмы опираются политики-популисты, которые в сложные времена стараются увязать общую обеспокоенность граждан ухудшающейся социально-экономической ситуацией в стране с наличием иностранных мигрантов, которые в этом

случае воспринимаются как угроза только потому, что объявляются таковыми в публичном дискурсе.

Принимая во внимание отмеченную в теории угроз и теории национализма важность экономической ситуации в той или иной стране для уровня распространения ксенофобских настроений среди ее граждан, отметим, что экономика США с 2009 г.⁵ и экономика стран Евросоюза с 2012 г.⁶ демонстрируют устойчивый рост. Кроме того, в течение последних десятилетий фундаментальные основы национального государства, культура и культурное наследие европейских стран не претерпели каких-либо глубоких трансформаций. Однако электоральное поведение граждан этих государств существенно изменилось. Для того чтобы объяснить рост поддержки авторитарных, националистически ориентированных политических партий и распространение ксенофобских настроений в Европе и в странах Северной Америки, полезной оказывается динамическая теория, а именно – *теория эволюции ценностей (Value Change Theory)*, предложенная почти 50 лет назад Р. Инглхартом (Ronald Inglehart).

Р. Инглхарт утверждает: если процесс социализации индивидов осуществляется в условиях экзистенциальной безопасности (*existential security*), т.е. когда физическое выживание воспринимается как гарантированное, то в последующем они склонны придерживаться пост-материалистических ценностей или ценностей самовыражения (*postmaterialist/self-expression values*), делающих людей открытыми к изменениям и толерантными по отношению к 'внешним' группам. Наоборот, если человек формируется в условиях экзистенциальной незащищенности (*existential insecurity*), ощущая угрозу своему физическому выживанию, он/она скорее придерживается материалистических ценностей или ценностей выживания (*materialist/survival values*), обуславливающих авторитарное и ксенофобское мировоззрение, сильную внутригрупповую солидарность и неприятие 'других' [8].

Развивая теорию эволюции ценностей, Р. Инглхарт и К. Вельцель (Christian Welzel) [10] доказали, что высокий уровень экзистенциальной безопасности в период становления личности ведет к межпоколенческому сдвигу в сторону ценностей самовыражения и толерантности. Это означает, что в каждый момент времени более молодое поколение является более постматериалистическим по

⁵ URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?count=usa&razdel=country&table=ggecia>

⁶ URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=eu&table=ggecia>

своим ценностным ориентациям, нежели предшествующее ему старшее поколение.

Теория эволюции ценностей дает нам знание о существовании еще одного важного феномена: временного эффекта, зависящего от текущих экономических условий. В периоды кризиса (экзистенциальной незащищенности) ценностные ориентации людей сдвигаются в сторону материалистических (ценности выживания), обуславливающих ксенофобское мировоззрение. Однако с восстановлением экономики ценностные ориентации людей возвращаются обратно к базовой линии своего долгосрочного развития [8, 10].

В последние десятилетия значительная часть населения развитых стран переживает снижение уровня реальных доходов и рост социально-экономического неравенства. Мировой кризис и большая рецессия 2008–2012 годов обусловили достаточно резкий экономический спад и ощутимый рост безработицы. Эти факторы привели к распространению состояния экзистенциальной незащищенности и, соответственно, к росту ксенофобии. В странах, принимающих большие потоки иностранных мигрантов, рост ощущения экзистенциальной незащищенности у граждан привел к антииммигрантским выступлениям. В государствах со значительной долей мусульман среди мигрантов эффект их негативного восприятия был усилен реакцией населения на сообщения СМИ, касающиеся исламского терроризма или исламской нетолерантности к гендерному равенству и правам ЛГБТ (ценностям, значимым для западной цивилизации).

Подводя итог, отметим, что рассмотренные теории угроз, национализма, социальной идентичности и ценностей предлагают глубокое и всестороннее объяснение причин ксенофобии по отношению к мигрантам в современных обществах. Тем не менее, именно теория эволюции ценностей дает наиболее исчерпывающие ответы на вопросы о механизмах формирования ксенофобских ориентаций и факторах, влияющих на их динамику. Опираясь на предпосылки теории эволюции ценностей, можно выдвинуть предположение о том, что именно экзистенциальная незащищенность является главным фактором динамики ксенофобских настроений. Текущие экономические условия могут обуславливать кратковременные эффекты, влияя на уровень экзистенциальной незащищенности и вызывая незамедлительные флуктуации в уровне ксенофобии. Тем не менее, принципиально толерантное либо ксенофобское мировоззрение определяется постматериалистическими или, соответственно, материалистическими

ценностями, которые формируются у индивида в зависимости от уровня экзистенциального благополучия/незащищенности, переживаемого им в годы своего личного становления. Именно этот факт делает страновой уровень ксенофобских настроений в каждый период времени достаточно стабильным.

1. Aydin Nilufer, Krueger Joachim I., Frey Dieter, Kastenmuller Andreas, Fisher Peter (2014). Social Exclusion and Xenophobia: Intolerant Attitudes toward Ethnic and Religious Minorities // *Group Process & Intergroup Relations*. v. 17 (3). 371–387.

2. Bilodeau Antone, Fadol Nada (2011). The Roots of Contemporary Attitudes toward Immigration in Australia: Contextual and Individual-Level Influences // *Ethnic and racial studies*. v. 34 (6). 1088–1109.

3. Boepply E.D. (2014). Xenophobia. // *Global Studies Encyclopedic Dictionary* by A.N. Chumakov (ed.), I.I. Mazur (ed.), W.C. Gay (ed): Editions Rodopi B.V., Amsterdam-New York. 497–498.

4. Esses Victoria M., Dovidio John F., Jackson Lynne M., Armstrong Tamara L. (2001). The Immigration Dilemma: The Role of Perceived Group Competition, Ethnic Prejudice, and National Identity // *Journal of Social Issues*. v. 57 (3). 389–412.

5. Fireside Harvey (2002). The Demographic Roots of European Xenophobia // *Journal of Human Rights*. v. 1 (4). 469–479.

6. Hjern Mikael (1998). National Identities, National Pride and Xenophobia: A Comparison of Four Western Countries // *Acta Sociologica*. v. 41 (4). 335–347.

7. Hjern Mikael, Nagayoshi Kikuko (2011). The Composition of the Minority Population as a Threat: Can Real Economic and Cultural Threats Explain Xenophobia? // *International Sociology*. v. 26 (6). 815–843.

8. Inglehart Ronald (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton University Press. 484 p.

9. Inglehart Ronald, Norris Pippa (2017). Trump and the Xenophobic Populist Parties: The Silent Revolution in Reverse // *Perspectives on Politics*. v. 15 (2). 443–454.

10. Inglehart Ronald, Welzel Christian (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cambridge University Press. 333 p.

11. Klapsis Antonis (2014). Economic Crisis and Political Extremism in Europe: From the 1930s to the Present // *European View*. No. 13. 189–198.

12. Leong Chan-Hoong, Ward Collen (2006). Cultural Values and Attitudes toward Immigrants and Multiculturalism: The Case of the Eurobarometer Survey on Racism and Xenophobia // *International Journal of Intercultural Relations*. 30. 799–810.

13. Rydgren Jens (2008). Immigration Sceptics, Xenophobes or Racists? Radical Right-Wing Voting in Six West European Countries. // *European Journal of Political Research*. 47. 737–765.

14. Rudgren Jens (2004). The Logic of Xenophobia // *Rationality and Society*. v. 16 (2). 123–148.

15. Sniderman Paul M., Petersen Michael B., Slothuus Rune, Stubager Rune (2014). *Paradoxes of Liberal Democracy: Islam, Western Europe and the Danish Cartoon Crisis*. Princeton University Press. 186 p.

16. Van der Veer Kees., Ommundsen Reidar, Yakusko Oksana, Higler Laurens (2011). Cross-National Measure of Fear-Based Xenophobia: Development of a Cumulative Scale // *Psychological Reports*. v. 109 (1). 27–42.

17. Wilkes Rimma, Guppy Neil, Farris Lily (2008). “No Thanks, We’re Full”: Individual Characteristics, National Context, and Changing Attitudes Toward Immigration // *The International Migration Review*. v. 42 (2). 302–329.

18. Wimmer Andreas (1997). Explaining Racism and Xenophobia. A critical review of current research approaches // *Ethnic and Racial Studies*. v. 20 (1). 17–41.

19. Yakushko Oksana (2009). Xenophobia: Understanding the Roots and Consequences of Negative Attitudes toward Immigrants // *The Counseling Psychologist*. V. 37 (1). 36–66.

References

1. Aydin Nilufer, Krueger Joachim I., Frey Dieter, Kastenmuller Andreas, Fisher Peter (2014) *Group Process & Intergroup Relations*, v. 17 (3), pp. 371–387 [in Eng].
2. Bilodeau Antone, Fadol Nada (2011) *Ethnic and racial studies*, v. 34 (6), pp. 1088–1109 [in Eng].
3. Boeppy E.D. (2014) Xenophobia / *Global Studies Encyclopedic Dictionary* by A.N. Chumakov (ed.), I.I. Mazur (ed.), W.C. Gay (ed): Editions Rodopi B.V., Amsterdam-New York, pp. 497–498 [in Eng].
4. Esses Victoria M., Dovidio John F., Jackson Lynne M., Armstrong Tamara L. (2001) *Journal of Social Issues*, v. 57 (3), pp. 389–412 [in Eng].
5. Fireside Harvey (2002) *Journal of Human Rights*, v. 1 (4), pp. 469–479 [in Eng].
6. Hjern Mikael (1998) *Acta Sociologica*, v. 41 (4), pp. 335–347 [in Eng].
7. Hjern Mikael, Nagayoshi Kikuko (2011) *International Sociology*, v. 26 (6), pp. 815–843 [in Eng].
8. Inglehart Ronald (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton University Press, 484 p. [in Eng].
9. Inglehart Ronald, Norris Pippa (2017) *Perspectives on Politics*, v. 15 (2), pp. 443–454 [in Eng].
10. Inglehart Ronald, Welzel Christian (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cambridge University Press, 333 p. [in Eng].
11. Klapsis Antonis (2014) *European View*, no. 13, pp. 189–198 [in Eng].
12. Leong Chan-Hoong, Ward Collen (2006) *International Journal of Intercultural Relations*, no. 30, pp. 799–810 [in Eng].
13. Rydgren Jens (2008) *European Journal of Political Research*, no. 47, pp. 737–765 [in Eng].
14. Rudgren Jens (2004) *Rationality and Society*, v. 16 (2), pp. 123–148 [in Eng].
15. Sniderman Paul M., Petersen Michael B., Slothuus Rune, Stubager Rune (2014) *Paradoxes of Liberal Democracy: Islam, Western Europe and the Danish Cartoon Crisis*. Princeton University Press, 186 p. [in Eng].
16. Van der Veer Kees, Ommundsen Reidar, Yakusko Oksana, Higler Laurens (2011) *Psychological Reports*, v. 109 (1), pp. 27–42 [in Eng].
17. Wilkes Rimma, Guppy Neil, Farris Lily (2008) *The International Migration Review*, v. 42 (2), pp. 302–329 [in Eng].
18. Wimmer Andreas (1997) *Ethnic and Racial Studies*, v. 20 (1), pp. 17–41 [in Eng].
19. Yakushko Oksana (2009) *The Counseling Psychologist*, v. 37 (1), pp. 36–66 [in Eng].

For citing: Yakimova O.A. Xenophobia in English social researches: from explaining the reasons to understanding dynamics // *Socium i vlast*. 2017. № 6 (68). P. 44–51.

UDC 31.316.4

XENOPHOBIA IN ENGLISH SOCIAL RESEARCHES: FROM EXPLAINING THE REASONS TO UNDERSTANDING DYNAMICS

Yakimova Olga Aleksandrovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ural Institute of Humanities, Department of Political Science and Sociology, Associate Professor, Cand.Sc. (Sociology), Yekaterinburg, Russia.
E-mail: o.a.iakimova@urfu.ru

Annotation

For the last two decades the process of interrelations between international migrants and the receiving nation has been in the focus of social researchers' careful attention. Nevertheless, the most part of comparative studies of migration process is devoted to studying migrants' adaptation and integration, whereas the problems of the received nation's adaptation to constantly increasing number of nonethnic newcomers is paid much less attention. In this context the factors determining dynamics of xenophobic sentiments in the society as regards to migrants are the subjects for discussion in social sciences. The author on the basis of considering xenophobia within the methodological framework of 1) theories of threats, 2) theories of nationalism, 3) theories of social identity and 4) theories of values makes a conclusion that these theoretical approaches though giving extensive cognitive interpretations of the reasons of xenophobia are deficient to explain dynamics of xenophobic sentiments. The author considers the theory 5) of value evolution, particularly the role of one of its notions – existential insecurity as a theory helping understand the deep factors affecting dynamics of xenophobia in modern societies. On the basis of the accomplished analysis the author makes a hypothesis that tolerant or xenophobic personal orientations are formed depending on the level of existential security or existential insecurity, which a person experiences during the period of his development.

Key concepts:

xenophobia, international migrants, theory of value evolution, existential insecurity.